

Родина не слышит и не знает

Англичане показали спектакль о Шостаковиче

*Известия - 2005 -
12 июля - с. 10*

АРТУР СОЛОМОНОВ

Саймон Макберни не только пытается найти театральный эквивалент музыке Шостаковича, но и хочет дать зрителю почувствовать, как жил, чего боялся, с чем боролся композитор Дмитрий Шостакович. Режиссер достигает цели, конечно, не с помощью повествования — ведь с биографией композитора можно ознакомиться и в библиотеке. Он обрушивает на зрителя каскады образов, чередуя всполохи света и тьму, дает слово самому герою (в спектакле звучит голос Шостаковича) и демонстрирует в глубине сцены фотографии композитора — в детстве, юности и старости.

Но главный герой здесь, тем не менее, не Шостакович, а время, в которое он жил. Зритель прорывается туда: маленькое радио трещит о терактах в Лондоне, одну радиоволну накрывает другая, потом еще одна — и вот уже слышно, как народ поздравляет вождей, а они благословляют народ, и — гимны, песни, марши... Проплыл космонавт — шлем, рукавицы и другие части скафандра в воздухе поддерживают актеры. Это конечно же первый советский человек в космосе — Юрий Гагарин. Зазвучала песня, музыку к которой написал Шостакович: «Родина слышит, Родина знает». Вдруг — вихрь ветра, и четверо актеров, с которых срысывает пиджаки и рубашки, пытаются идти ему навстречу. Надо ли говорить, что идти не получится, что и ветер, и чернота в глубине сцены окажутся сильнее любых человеческих усилий.

Конфликт человека и эпохи, разумеется, из серии «бодался теленок с дубом», но в спектакле постепенно намечается другая оппози-

Спектакль «Шум времени» английского театра «Комплисите» должен был стать апофеозом фестиваля имени Чехова. Режиссер «Шума времени» Саймон Макберни — один из самых прославленных в мире, а его спектакль «Улица крокодилов», показанный в Москве в 1993 году, вспоминают до сих пор и называют великим. На этот раз Саймон Макберни привез постановку о Дмитрие Шостаковиче. В спектакле принял участие знаменитый «Эмерсон квартет».

В «ШУМЕ ВРЕМЕНИ» шумят редко, но однажды разламывают виолончель

ция: шум времени и искусство, в данном случае — музыка Шостаковича. Здесь, кажется, битва идет на равных. Шум не только в приметах тех лет вроде полета человека в космос, имен американских президентов и т. п. Режиссер настойчиво (даже настырно) напоминает о «веке-волкодаве»: раздается гром аплодисментов, которыми отвечает зал, когда клеймят Шостаковича. Они же звучат, когда Шостакович признается публично, что

писал неправильную, антинародную музыку. В паузах или перекрывая музыку мужской голос (глас народа?) чеховит творчество Шостаковича. Возможно, именно эта вакханалия и есть настоящий «сумбур вместо музыки». И в этом смысле шум времени отступает перед музыкой, так же как люди отступали под порывами ветра.

Сказать, что актеры играют, нельзя — они просто обозначают разные состояния души композитора. В спектакле, где главные герои — музыка, время и ушедший композитор, и не должно быть персонажей. Здесь также нет места ни сантиментам, ни юмору. Во второй

части спектакля звучит только музыка, преодолевшая шум времени: знаменитый «Эмерсон квартет» блистательно исполняет Пятнадцатый скрипичный квартет Шостаковича.

Чем больше на сцене фотографий Шостаковича (вот одна из них проецируется на скрипку, другая светится в глубине сцены), чем слышнее его голос («Можно я закурю?»), тем плотнее стена между ним и теми, кто сидит в зале. Кажется, вот он — мы видим его лицо, слышим голос, воспринимаем музыку, но из этого не складывается ни образ человека, ни образ времени, в котором он жил. Только обрывки, лишь далекое эхо.

Этот спектакль устроен столь же прихотливо, как человеческая память: одни образы раздуваются, другие — улечиваются, какие-то голоса, мысли, воспоминания навязчиво преследуют, а иные — уходят. По тому, что стало темой этого спектакля, какой выбран стиль, можно судить о самом Саймоне Макберни, его пристрастиях, о шуме его личного времени. Но иначе и не может быть — говоря о других, мы всегда на самом деле рассказываем о себе.

ФОТО: ИГОРЬ ЗАХАРКИН «ИЗВЕСТИЯ»